

Вынесенная в заголовок строчка из давнего танго, наверное, кому-то сразу напомнила мягкий лирический тенор популярного в 40—50-е годы артиста эстрады Георгия Виноградова.

ВАМ ВОЗВРАЩАЯ ВАШ ПОРТРЕТ...

В 1943 году меня перевели на службу в Краснознаменный ансамбль. С ним я дошел до Победы...

— Георгий Павлович, а были у вас песни, которые вам нравились особенно и вы любили их петь больше остальных!

— Таких не было. Вернее, я любил все, что пел. Я просто не мог петь то, что мне не нравилось. Разве можно что-то делать хорошо, если не лежит душа? Это, по-моему, касается не только исполнения песен...

— Известно, что песни далеко не всех композиторов того времени вы брались исполнять. Кто был вам особенно близок?

— Блантер. В годы войны и позже нас связывала большая творческая дружба. Богословский, Мокроусов, Молчанов — мне довелось быть первым исполнителем таких их песен, как «Соловьи», «В лесу прифронтовом», «Хороши весной в саду цветочки», «Где ты, утро раннее»... Всегда любил работать с Исааком Осиповичем Дунаевским. Удивительный был человек и композитор огромного таланта. В мае исполняется четверть века со дня одной из последних наших совместных работ. Я имею в виду чудесную песню «Школьный вальс». Песни Дунаевского, по-моему, какие-то очень молодые. Я рад, что до сих пор их с удовольствием поют и будут, кажется, петь вечно...

— Георгий Павлович, какие из современных песен вы стали бы исполнять, будь они написаны в ваше время!

— Трудный вопрос... Во всяком случае, своим ученикам я бы посоветовал песни Пахмутовой, Фельцмана, Тухманова, сына Исаака Дунаевского — Максима Дунаевского... Кажется интересным репертуар Кобзона. Этот певец мне тоже нравится...

— Наш традиционный вопрос, Георгий Павлович: что бы вам хотелось пожелать нашим читателям!

— Во-первых, должен сказать, что я, несмотря на свой возраст, регулярно читаю «Московский комсомолец». И мне он очень симпатичен. Я даже как-то не удивился, что именно в этой газете вспомнили обо мне, пожелали увидеть и поговорить. Поэтому с особой теплотой благодарю вас за память, а вашим друзьям-читателям хочу пожелать любить песню. И любить, что ли, строгой любовью. Душевая песня — это друг. Другой надо уметь выбирать смелее...

ПРОСТИВШИЕСЯ с Виноградовым, мы шли по ВДНХ. И вдруг неведомый нам радист выставки поставил пластинку или пленку с записью голоса нашего недавнего собеседника. Из всех репродукторов слышалось: «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...».

И мы подумали, что портрет этого замечательного певца будет неполным, какими бы словами мы о нем ни говорили. Жаль, конечно, что наши борщички не умеют набирать голоса...

В. АЛЬБИНН.

Но вот он неожиданно стремительно вышел нам навстречу, и никаких сомнений — это Виноградов. Посветлели от седины гладкие, зачесанные назад волосы, углубились ранее едва угадывавшиеся морщины... Георгий Павлович казался старым знакомым, которого немного подгримировали. Так, наверное, оно и было: годы ведь тоже неплохие гримеры...

Но в походке — молодая уверенная легкость, в голосе, дикции, жестах, манере держаться и говорить — обаяние, культура, особый, свой стиль. И какая-то внутренняя сдержанность...

— Родился я в Казани в 1908 году, — неторопливо начал свой рассказ Георгий Павлович. — С восьми лет по настоянию родителей начал петь в церковном хоре. Здесь и освоил азы вокала. Потом, после учебы в гимназии и школе, окончил курсы и работал телеграфистом. Параллельно был вольным слушателем музыкального училища по классу скрипки. Дальше — рабфак и Московская военная академия связи. Здесь я стал активным участником художественной самодеятельности. Но уже не как скрипач. Я пел. Классические арии, романсы, песни советских композиторов. В 1938 году стал лауреатом I Всероссийского конкурса участников художественной самодеятельности...

— Наверное, тогда, Георгий Павлович, и решилась ваша дальнейшая судьба. Вы стали профессиональным певцом!

— Не сразу, но в общем-то да. «Сбил с толку» один знакомый инженер. Убедил. И вскоре я оставил академию и стал солистом Всесоюзного радио.

— Судя по всему, вы сделали решительный, но верный шаг. С позиции времени вы не жалеете об этом!

— Рано или поздно, человек находит себя в любимом деле. И когда-то надо

сделать такой шаг. Лучше раньше. Я сделал его в тридцать лет. Наверное, это был не последний срок. Но, думаю, своевременный. Ни о чем не жалею.

— Расцвет вашего творчества, кажется, приходится на годы войны. Так ли это?

— Это были годы величайшего испытания для нашего народа. Но музыка, как известно, и тогда не молчала. Наоборот, вдохновенные героизмом и стойкостью русского духа, советские поэты и композиторы создавали десятки, сотни прекрасных произведений. И песни в том числе. Блантер, Дунаевский, Богословский — песни этих композиторов мгновенно облетали все фронты. Солдаты ждали их...

— Мы видели фотографию, где вы в военной форме...

— Да, я надел ее буквально в первые дни войны. Была сформирована специальная фронтовая бригада Наркомата обороны, куда вошли оркестр под управлением Кнушевицкого и несколько солистов. Всего двадцать пять человек. Мы выступали на передовых, перед бойцами, уходящими в бой. Потом, под Вязьмой, вместе с частью, где выступали, попали в окружение. Прорвались. Но нас осталось только одиннадцать человек из бригады...

Группу переформировали, пришло пополнение. В блокадном Ленинграде, в одной группе с Руслановой, Гаркави и другими известными артистами мы дали около тысячи концертов. Параллельно с нами, я помню, выступал ансамбль, где пела Клавдия Шульженко.

СЕЙЧАС это имя больше скажет людям старшего поколения, но, надо думать, оно знакомо и молодежи. Если не по старым записям, звучащим иногда в передачах «Встреча с песней» или на пластинках знаменитого Апрельевского завода, то, возможно, по новым, выпущенным недавно фирмой «Мелодия» гибкой пленке «Четыре танго в исполнении Г. Виноградова» и «гиганту» «Старинные романсы».

В свое время популярность этого певца была необыкновенной. Специально для него писались песни (имеется в виду — для его голоса), он был первым исполнителем многих лучших произведений Дунаевского, Богословского, Блантера, Цфасмана, Милютина.

«Писали, был, давали»... Что поделять, у каждого времени свои песни, свои певцы. Сейчас на афишах иные портреты, звучат другие песни. Но разве от этого нам менее дороги имена таких замечательных мастеров, как Александр Вертинский, Смирнов-Сокольский, Изабелла Юрьева, Лидия Русланова, Леонид Утесов, Марк Бернес, Георгий Виноградов?..

Они пели для наших дедушек и бабушек, их слушали и видели наши родители, пережившие фронт и блокаду, построившие ДнепрогЭС и Комсомольск-на-Амуре...

Пусть что-то в тех далеких песнях нам, современникам БАМА и Эдуарда Хилия, покажется сегодня немного сентиментальным или излишне восторженным. Но вслушайтесь — эти песни любили наши матери, с ними, в неуклюжих, по тогдашней моде, пиджаках, шли на первое свидание молодые наши будущие отцы...

Теперь для нас поют ученики прославленных исполнителей старшего поколения. И понятие «ученики» не абстрактно. Георгий Виноградов, например, сейчас главный режиссер вокального дела Всероссийской творческой мастерской эстрадного искусства. Те, кого он учил, выступают в ансамблях «Голубые гитары», «Добрые молодцы», солисты в областных и республиканских филармониях.

В МАСТЕРСКОЙ мы и познакомились с Георгием Павловичем.

Мастерская расположена на ВДНХ, в небольшом, на редкость шумном здании: представьте себе — в каждой комнате что-то поют или на чем-то играют. Может, оттого, что дом находится сразу за сценой Зеленого театра и, по сути, представляет собой заднюю стену эстрадной площадки, узкие, витиеватые коридорчики мастерской оставляют впечатление нулиса, а кабинеты похожи на театральные уборные артистов.

У нас с собой была хорошая послевоенная фотография Виноградова, молодого, раскованного, фотогеничного человека. Но мы все же опасались, что четверть века спустя вряд ли узнаем по ней прославленного певца.